

И ОГАНН ХРИСТОФ ШТУРМ: ЭКЛЕКТИЦИЗМ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

Сергей Григорьевич Секундант — доктор философских наук, завкафедрой философии и основ общегуманитарного знания Одесского национального университета им. И.И. Мечникова.
E-mail: sergeisekundant@gmail.ru

Рассматривается философская идеология эклектицизма Нового времени, в частности в том виде, как он был сформулирован И.Х. Штурмом, и оценивается его вклад в развитие философской и научной мысли. Показывается необходимость разграничить эклектицизм, синкретизм и концилиаторику. Эклектизм характеризуется как прогрессивное для своего времени течение. Подчеркивается то решающее влияние, которое оказал эклектицизм на формирование нового научного мировоззрения.

Ключевые слова: синкретизм, концилиаторика, эклектицизм, философская идеология, методологическая программа, философская секта, философия науки, философия Нового времени, эклектическая физика, И.Х. Штурм.

JOHANN CHRISTOPH STURM: ECLECTICISM AS A PHILOSOPHICAL IDEOLOGY AND METHODOLOGICAL PROGRAM

Sergei Secundant — PhD in philosophy, head of the department of philosophy and humanities bases. Odessa, I.I. Mechnikov National University.

In this paper the philosophical ideology of eclecticism of Modern times is considered, especially as it has been formulated by J. Ch. Sturm, and assessment of its contribution to development of philosophical and scientific thought is given. The need of differentiation of eclecticism, syncretism and conciliatorics is proved. Eclecticism is characterized as a progressive for its time current. The decisive impact eclecticism on formation of new scientific outlook is emphasized.

Key words: syncretism, conciliatorics, eclecticism, philosophical ideology, methodological program, philosophical sect, philosophy of science, the history of modern philosophy, eclectic physics, Johann Christoph Sturm.

Эклектизм долгое время оставался белым пятном в истории философии. Это можно объяснить рядом причин, главная из которых, на наш взгляд, заключается в том, что история философии как наука преимущественно формировалась в рамках гегельянской школы, рассматривающей историю философии как историю философских систем. Эклектизм же, подобно скептицизму, был философской идеологией, направленной против всякого рода спекулятивных

систем¹. Смешение философской идеологии и философской системы, а также недооценка значения философских идеологий в развитии философии является, на наш взгляд, одной из главных причин негативного отношения философов и историков философии к эклектицизму. Неудивительно, что этот термин впервые приобретает негативный смысл именно в спекулятивном направлении немецкой идеалистической философии. Считая эклектический стиль философствования поверхностным, Гегель характеризует эклектицизм как

«тщеславный венок (eitlen Kranz), составленный из цветочков, собранных отовсюду» [Hegel, 1971: 243]. Этот взгляд на эклектицизм, основанный на смешении или признании принципиального тождества синкретизма и эклектицизма, становится доминирующим в немецкой философской мысли с начала XIX в.

Эклектицизм, синкретизм и концилиаторика

Слово «эклектика» (ἐκλεκτική) происходит от древнегреческого *ek-legein*, что означает «выбирать». Эклектицизм как философское течение возникало в эпоху эллинизма. Согласно Диогену Лаэртскому, первым философом, который открыто стал называть себя эклектиком, был Потамон (Ποτάμων) из Александрии (2-я пол. I в. до н.э. — нач. I в. н.э.). Среди историков философии сформировалась традиция относить к эклектикам также тех философов, которые себя не считали эклектиками. Тенденция так широко толковать эклектицизм была заложена самими эклектиками, которые к эклектикам относили все творческие личности, т.е. практически всех великих философов — Платона, Аристотеля, Дж. Бруно, Ф. Бэкона, Г. Лейбница и многих других. Однако среди эклектиков существовала и обратная тенденция — дистанцироваться от близких к эклектицизму течений. Против того чтобы Антиоха из Аскалона и неоплатоников относить к эклектикам, выступили, в частности, И.Я. Хёфлер и И.Д. Байер, которые считали Антиоха из Аскалона основателем философской концилиаторики (*conciliationis philosophicae auctor*) [Hoefler, 1742: §VII]. На его примере они пытались объяснить различие между концилиаторикой и эклектицизмом [Hoefler, 1742: § VII–XI]. Они также требовали различать эклектицизм в негативном и позитивном смыслах. Примером эклектика в негативном смысле для них является Аноним (*Anonymus*), комментатор Аристотеля, который себя не причислял ни к какой секте, сам для себя определял принцип философствования (*philosophandi legem*) и не притязал на авторство [Hoefler, 1742: § XIII]. В позитивном смысле «эклектическая философия понимается тогда, когда мы либо правильно (*rite*) познаем взгляды других и из них берем то, что согласуется с истиной, а то, что вызывает сомнение, отбрасываем; или же если

¹ Философская идеология представляет собой совокупность нормативных принципов, ценностных установок и приоритетов, с помощью которых пытаются обосновать преимущество определенного философского проекта или программу действий, тогда как система — это уже продукт такого рода деятельности и представляет собой совокупность теоретических положений, организованных определенным образом. Любая теоретическая система предполагает свою философскую идеологию, но не всякая философская идеология требует построения системы. Радикальный скептицизм, например, требует воздерживаться от всяких спекулятивных построений, но его важную роль в развитии философии трудно отрицать.

мы пытаемся защитить новые истины путем самостоятельного рассуждения» [Hoefler, 1742: § XIII].

Для конциалиторики характерно стремление сблизить различные точки зрения между собой и, в частности, со своей собственной точкой зрения. Эклектикам такая тенденция была чужда. Эклектики не ставили перед собой цель примирить различные точки зрения, для них было принципиально важно, чтобы отбор носил критический характер. Очевидно, по этой причине Я. Брукер рассматривает конциалиторику и синкретизм практически как синонимы и противопоставляет их эклектике. И хотя Г.В.Ф. Гегель в своих лекциях по истории философии обвиняет Брукера в том, что тот относит неоплатоников к эклектикам, сам Брукер ясно указывает, что философы, вышедшие “ex platonico-Pythagoricis Alexandrinorum scholis”, скорее достойны названия секты, чем эклектической философии. Они “conciatorum potius vel syncretistarum nomen mereatur” (заслуживают скорее имени конциалиториков или синкретистов), так как они “non in elegendi veris, sed in conciliandis et in unam quasi massam chaosque magnam partem informe conflandis diversissimarum opinionum generibus fuere diligentissimi” (были наиболее искусны не в отборе истин, а в соединении самого разного рода мнений в единую почти беспорядочную и большей частью бесформенную массу) [Brucker, 1742: 190].

В Новое время эклектизм возрождается первоначально как движение, альтернативное догматизму и в этом отношении он — родственное синкретизму движение. Термин «синкретизм» (συνκρήτισμος — букв. Объединение) пришел в философию из политической истории. У Плуларха он означает объединение противоборствующих групп для борьбы с общим врагом. В эпоху Реформации в протестантской теологии этот термин имел позитивный смысл. Синкретисты выступали за объединение всех христианских конфессий и главную причину раскола в протестантском движении видели в догматизме. Негативный смысл термин «синкретизм» в философии Нового времени приобрел во многом благодаря эклектикам. Брукер определяет «синкретизм» как «malesana dogmatum et sententiarum philosophicarum, toto coelo inter se dissidentium conciliatio» (нездоровое соединение учений и высказываний, в целом несогласующихся между собой) [Brucker, 1743: 750].

Хотя сами эклектики характеризовали эклектицизм как способ философствования (philosophandi modus)², они все же, пытаясь доказать его преимущества, развили свою собственную философию со своей специфической идеологией. Не случайно термин «эклектическая философия» (philosophia eclectica) появляется только в XVII в. Именно в это время начинается формирование философской идеоло-

² Наряду с термином «philosophandi modus» использовались также термины «philosophandi ratio», «philosophandi methodus», «philosophandi genus», «lex philosophandi».

гии эклектицизма, которую нельзя сводить к идеологии Просвещения. Хотя эклектицизм служил методологической основой философии Просвещения, не все эклектики были просветителями. Просвещение — это продукт преимущественно философской идеологии одного из течений эклектицизма Нового времени. Брукер, заложивший основы истории философии как науки, не совсем был неправ, когда говорил об «эпохе эклектизма».

Термин «эпоха Просвещения» (*siècle des lumières*) возникает позже у французских энциклопедистов, на которых решающее влияние оказал Брукер. Но первым, кто еще в конце XVII в. сделал термин «просвещение» (*Aufklärung*) ведущим философским понятием, был эклектик Х. Томазий. В. Шмидт-Биггеманн совершенно справедливо характеризует эклектицизм как «одно из наиболее стабильных (*kontinuierlichsten*) течений в истории немецкого университетского научного образования (*Gelehrten-geschichte*) от барокко до идеализма» [Schmidt-Biggemann, 1983: 237]. Сведение эклектицизма только к просвещению слишком обедняет и во многом искажает историю философии, выбрасывая за борт истории многих философов, оказавших решающее влияние на развитие философии и науки. К таким философам, в частности, относится Иоганн Христоф Штурм. Хотя процесс исторической реабилитации эклектицизма вообще и Штурма в частности в европейской философии начался лишь в середине 1980-х гг., литература по этой тематике уже достаточно обширна³. Тем не менее философская идеология эклектицизма не стала предметом особых исследований. Смешение историками философии идеологии эклектицизма и его методологии, как и смешение Гегелем эклектицизма с синкретизмом, стало главной причиной дискредитации и недооценки роли этого течения в развитии философии Нового времени. В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть процесс формирования идеологии эклектицизма в философии Нового времени и на примере Штурма, одного из его первых и влиятельнейших идеологов, показать вклад эклектицизма в развитие философской и научной мысли Нового времени.

Штурм: эклектицизм как философская идеология естествоиспытателей XVII–XVIII вв.

Во второй половине XVII в. философская идеология эклектицизма начинает доминировать среди естествоиспытателей, многим из которых были чужды идеалы Просвещения. Наиболее ярким представи-

³ Наибольший вклад в дело реабилитации эклектицизма внесли работы В. Шнайдерса [Schneiders, 1985], Г. Драйцеля [Dreizel, 1991], У.И. Шнайдера [Schneider, 1992, 2002], М. Альбрехта [Albrecht, 1994], Ф. Германа [Hermann, 2003], Г. Гааб [Gaab, 2004] и др.

телем и главным идеологом этого движения в Германии становится Иоганн Христоф Штурм (Johannes Christoph Sturm) (1635–1703). Штурм учился сначала в Йене у Э. Вайгеля (Erhard Weigel), а позже — в Лейдене у картезианца Иоанна де Рэя (Johannes de Raey) [см.: Hermann, 2003] и испытал сильное влияние Р. Бойля, корреспондентом и переводчиком которого он был долгое время. Штурм рассматривал эклектицизм как наиболее прогрессивную философскую доктрину и научно-исследовательскую программу. В своем «Научном рассуждении о сектантской и эклектической философии» (1679) основную проблему прежней и современной ему философии он видит в ее раздробленности: только «одна перипатетическая философия делится на греческую, арабскую и схоластическую, а последняя на школы альбертистов, томистов, скотистов, оккамистов, номиналистов, реалистов, ожесточенно сражающихся между собой в защиту авторитета и мнений своего учителя» [Sturm, 1679: 3]. К ним, по его мнению, можно добавить последователей Р. Луллия, П. Раме, Р. Декарта и других.

Касаясь современности, Штурм выделяет четыре наиболее влиятельные секты: 1) перипатетическую (Aristotelica), 2) картезианскую (Cartesiana), 3) атомистическую (Neo-Democratica), возглавляемую П. Гассенди, и 4) неоплатоническую (Neoplatonica), главным представителем которой он считает Г. Мора [Sturm, 1679: 8–9]. В своей критике прежней философии Штурм опирается преимущественно на Г. Горна и Г.И. Фосса. Как и его предшественники, он выступает против сектантства и основную свою задачу видит в том, чтобы покончить с ним и, в частности, воспрепятствовать появлению новых сект. Причину появления все новых и новых сект Штурм видит во враждебном отношении представителей разных философских школ к критике и неспособности преодолеть разброд мнений. Сектантской он называет такую философию, «которая все свои основоположения, а нередко и порядок их изложения, заимствует большей частью из уст или писаний одного учителя или ученого, так что ее приверженцам кажется, будто никогда не было сказано ничего более правильного и истинного» (Sectariam itaque philosophiam hoc nostro tractatu eam appellamus, quae dogmata sua, imo haut raro docendorum etiam ordinem, ex unius Magistri aut Doctoris vel ore vel scriptis ita hausit pleraque omnia, ut alia verius rectiusque dicta nusquam repertum iri videatur ipsis asseclis) [Sturm, 1698: 11–12]. Штурм выделяет две главные черты сектантской философии: во-первых, большая часть ее положений принадлежит перу одного философа и, во-вторых, сектанты враждебно относятся к учениям, которые не согласуются с учением авторитета, приверженцами которого они являются, а также ко всякого рода новшествам. Согласно Штурму, сектанты — это эпигоны и догматики. Они не способны выйти за границы своих предрассудков и по достоинству оценить учения других философов. По этой причине, считает он, сек-

тантская философия ведет к бесполезным спорам, препятствуя умножению и усовершенствованию наших знаний, и тем самым не только дискредитирует философию, но и становится главной преградой на пути к общественному прогрессу и угрозой социальному миру.

Указывая на социальную угрозу сектантства в философии, Штурм тем не менее не призывает, подобно некоторым скептически настроенным ученым и философам, отбросить всю прежнюю философию как нечто устаревшее и бесполезное. Он только требует положить конец сектантству в философии. И хотя Штурм открыто не говорит о синкретизме, фактически он имеет в виду его, когда утверждает, что любая попытка объединить основные положения разных философских школ обречена на провал. Во-первых, ввиду многообразия философских школ такого рода попытка едва ли осуществима, так как согласование учений потребует столь больших усилий, что едва ли это по силам отдельному человеку или группе людей. Во-вторых, Штурм выражает сомнение, что такого рода попытки способны привести к большему согласию, чем то, которое существовало раньше как между школами, так и в рамках отдельных школ. По этой же причине он считает мало перспективной попытку подменить философию историей философии и в ее рамках решать все проблемы. В то же время Штурм указывает на тот вред, который приносят попытки безосновательно отбрасывать мнения других философов и ученых. Он считает, что в поисках критерия истины мы должны обратиться к самой природе и человеческому разуму.

Эклектицизм как философская идеология с самого начала был ориентирован на истину, на достижение такого единого, общепризнанного взгляда на мир, который не влек бы за собой никаких негативных последствий для научного познания и общественной жизни. Конфликт, который возник между новыми научными представлениями и традиционными религиозно-нравственными ценностями в связи с революционными изменениями в математике и естествознании, требовал радикального изменения в самом способе философствования. Если И. Юнг, Э. Вайгель, Р. Декарт, Т. Гоббс, Б. Спиноза, Н. Мальбранш, Г. Лейбниц и многие другие философы, преимущественно из лагеря рационалистов, в поиске нового способа философствования обратились к математике, то эклектицизм как способ философствования и философская идеология формировался преимущественно в среде физиков-экспериментаторов, а именно тех, которые стремились избежать негативных последствий, вытекающих из нового механистического мировоззрения. С одной стороны, эклектики выступали против резкого и необдуманного разрыва с традиционными представлениями и ценностями, а с другой — приветствовали дух критицизма философии Нового времени. Они были полны решимости очистить прежнюю философию, прежде всего философию Ари-

стотеля, от всего того, что может препятствовать научному и социальному прогрессу. Физики-эклетики выступали как против мистиков, пренебрегающих строго научными критериями познания (Г. Мор, Р. Фладд, «христианская каббала»), так и против так называемых корпускулярных философов, придерживающихся механистического взгляда на мир и отрицающих аристотелевскую традицию в физике. С другой стороны, они выступали против скептиков, которые стремились исключить из естествознания всякую теоретическую философию и требовали ограничиваться лишь экспериментальными исследованиями. Для эклектика как скептики, так и догматики были сектантами, т.е. философами, учения которых препятствуют научному и общественному прогрессу. Сектант у него — синоним человека, не способного к самостоятельному, творческому мышлению.

Свобода творчества и научный прогресс становятся главными ценностными ориентирами эклектицизма Нового времени. Разрыв с философской традицией, которого требовали механицисты и скептики, был неприемлем для эклектиков потому, что он подрывал религиозные и нравственные устои общества и с необходимостью вел к материализму и атеизму. Одно из главных требований эклектицизма — избегать крайностей догматизма и скептицизма. В своем трактате Штурм называет эклектиками «тех философов, которые не отрицают без разбора все то, что было открыто или передано другими сектами и их главами; но и не следуют авторитету одного вождя, чтобы принимать и защищать без разбора все его высказывания и изречения. Признавая немощь человеческого разума, а именно то, что один или несколько человек никогда не в состоянии исчерпать бездонную глубину природы и разума, зато могут основательно исследовать их с одной стороны, эклектики убеждены, что, объединившись и обмениваясь знаниями, можно достичь стабильного роста научных знаний» (*Eclecticorum philosophorum nomine per totam hanc tractationem non alios nos intelligere, quam eos, qui non rejiciunt promiscuè quaecunque ab aliis sectis earumque capitibus inventa sunt aut tradita, nec unius Ducis autoritate it commoveatur, ut ejus effata & dicteria promiscuè probent & propugnent omnia; sed homini ingenii imbecilitatem agnoscentes, quae ab uno aut paucis quibusdam hominibus omnes Naturae & Rationis abyssos exhauriri nunquam patiatur, ab aliis quoque verum ex parte pervideri posse, junctisque viribus et communicato consilio scientias augendas & stabilendas esse, sibi persuadent*) [Sturm, 1679: 5].

Эклектицизм — это своего рода попытка преодолеть односторонность скептицизма и догматизма в вопросе о познаваемости природы. Подобно скептикам, эклектики признают невозможность для отдельного человека или группы людей полностью познать все тайны природы и разума. Они скептически относятся к претензиям отдельных философов на абсолютное познание истины. Однако эклектики не

становятся на позиции скептицизма и агностицизма. Признавая вслед за Аристотелем, что все наши суждения о сущности вещей и причинах явлений носят и всегда будут носить вероятностный характер, Штурм, как и большинство эклектиков, признает все же возможность достоверного познания некоторых сторон явлений. Он считает, что без достоверных истин разума и опыта невозможно продвинуться в познании сущности вещей. По этой причине Штурм высоко ценил математику, подчеркивая важность и полезность применения математических методов в познании феноменов природы. В то же время эклектики не только не были наивными реалистами, но всячески подчеркивали бессосновательность претензий отдельных философов и школ на абсолютную истину. Даже те суждения, которые были подтверждены экспериментально и должны были, согласно эклектикам, служить фундаментом достоверного познания действительности, они рассматривали только как гипотезы, пусть и достоверные. Очевидные истины у них не претендуют на познание сущности вещей, а только касаются некоторых сторон явлений. Тем не менее они считали, что этого достаточно для того, чтобы уверенно продвигаться к познанию действительности. Стремление эклектиков преодолеть противоположность между скептицизмом и догматизмом с необходимостью вело к радикальному пересмотру традиционного взгляда на познание.

Субъектом познания у эклектиков выступает уже не рефлексирующий индивид, а научное сообщество (*respublica literaria*). Идея создания «республики ученых» возникла в XV в. в среде итальянских гуманистов и уже с XVI в. была известна в протестантской Германии. Ее сторонником были, в частности, С. фон Пуфендорф, учитель Штурма, Лейбниц и многие другие ученые его времени. Штурм стал одним из наиболее ярых защитников и пропагандистов «республики ученых», в которой царил бы «свобода философствования» (*libertas philosophandi*). Необходимость пересмотра традиционного взгляда на субъект познания Штурм обосновывает двумя факторами: во-первых, огромным числом достойных познания и нуждающихся в познании вещей и, во-вторых, ограниченностью познавательных способностей человека: «Число вещей и их сложность таковы, что их не осилили бы даже многие века, не говоря уже о возрасте и уме отдельного человека. Поскольку мы не можем поодиночке исчерпать океан подлежащих познанию вещей (*cognoscendorum Oceanum*), необходимо, чтобы мы попытались, проверяя и как бы постепенно разгрызая (*pitissando quasi guttatimque lambendo*) все, отбирать и обрабатывать каждую частичку знания в соответствии с ее свойствами. Наконец, хорошо известно, что если бы выдающиеся умы максимально объединили свои силы, они никогда не разделились бы на разные направления из-за разнообразия влечений (*affectorum*) и устремлений (*studiorum*), а также не испытывали бы больших препятствий (*multum*

impendi) на пути к познанию истины (*in veritate investigando*)» [Sturm, 1698: 21–22].

Как впоследствии и другие эклектики, Штурм считает, что одна из причин возникновения философских школ заключается в том, что философы руководствовались стремлением к славе, новизне и другими негативными эмоциями. Этот недостаток и призвано было исправить сообщество ученых, в котором отношения должны были бы строиться на определенных нравственных принципах. Эклектиками разрабатывается своеобразный моральный кодекс ученого. В качестве основных достоинств ученого-эклектика Штурм выделяет беспристрастность (*aequitas*) и скромность (*modestia*). Открытый доступ к информации, обмен опытом и знаниями становятся необходимыми компонентами научного познания. Штурм убежден, что только благодаря открытому обмену мнениями и совместному обсуждению вопросов ученые смогут добиться стабильного роста наук [Sturm, 1698: 7]. Эклектики были не только пропагандистами, но и активными участниками этого процесса. Отчасти под влиянием их идей в 1682 г. в Лейпциге начинает выходить первый в Германии научный журнал, в котором наряду с такими выдающимися учеными того времени, как Лейбниц и Я. Бернулли, принимают участие Штурм, Томазий, И.Г. Вальх и другие эклектики.

И.Х. Штурм: эклектицизм как методологическая программа

Хотя конечную цель физики Штурм видит в познании сущности и величия Бога, его физика ориентирована преимущественно на рост знания. Штурм рекомендует отбрасывать все, что препятствует росту знания. Согласно Штурму, только тот, кто философствует в духе эклектиков (*Eclecticorum more*), философствует с пользой для роста знаний (*utiliter & cum scientiarum augmento philosophari*) [Sturm, 1698: 22]. Познание здесь представляется как диалог, в который вовлечены не только современники, но и мыслители прошлого. Штурм, подобно схоластике, придает большое значение диспутам, но их характер и назначение в свете новых целей радикально меняются. В схоластике диспуты, как правило, использовались для защиты основных положений своего учителя или своей школы и касались преимущественно способов толкования истин, полученных путем Откровения. Они имели скорее воспитательное, чем познавательное значение и выступали преимущественно как средство оттачивания мастерства. У эклектиков, напротив, диспуты становятся средством открытия и обоснования новых истин.

Вместо деструктивных споров Штурм предлагает объединить усилия в поиске истины, и научный диспут становится важнейшим

средством такого объединения ради поиска истины. Для него диспуты важны не столько для критики чужих взглядов, сколько для исправления своих собственных [Sturm, 1698: 33–35]. Штурм считает, что наибольшего прогресса в познании мы сможем достичь тогда, когда будет собрано воедино то, что было также открыто и познано где-либо другими (*aliorum quoque inventa & cogitata in medium undecunquē collata*) [Sturm, 1698: 22]. Это высказывание не следует понимать так, будто цель физики он видит в объединении различных точек зрения путем их сближения. Нельзя также согласиться с утверждением У.И. Шнайдера, будто эклектик не формулирует никакой конструктивной программы, а занимается только реконструкцией [Schneider, 2002: 239]. Если под «конструктивной программой» понимать проект построения основанной на априорных принципах системы, то Штурм действительно выступает против такого рода спекулятивных систем. Жалуясь на засилье систем, он замечает, что физика, или философия природы, «заранее загнанная в систему и ограниченная неподходящими законами» (*in systemata prius coactam ac legibus intempestivis constrictam*), может стать препятствием на пути интеграции новых явлений в такую априори сконструированную систему [Sturm, 1686: 30].

Физика, ориентированная на рост знания, по мнению Штурма, должна приближать нас к истине, а это невозможно без конструктивной критики. Согласно Штурму, только посредством критики эклектика прокладывает путь к знанию истины. Он исходит при этом из того, что среди многообразия истин существует то, что является «наиболее истинным». Штурм не противопоставляет рост знания истине, а, напротив, наличие достоверных истин рассматривает как необходимую предпосылку научного прогресса. Если рост знания ведет к истине, то именно эти очевидные истины, по его мнению, должны выступать в качестве того пробного камня, на основании которого будет происходить отбор. Штурм подчеркивает, что эклектик действует не ради забавы и не ради собственной славы, а ради истины, и то, что препятствует росту знания, он осторожно (*modestè*) устраняет [Sturm, 1698: 22]. Осторожность (*modestia*) у него предполагает критическое отношение не только к мнениям других, но и к своим собственным выводам. Согласно Штурму, критика должна быть не словесной, а предметной, опираться не только на разум и эрудицию, но и на опыт. Он открыто выступает против релятивизма. Ссылаясь на Ф. Бэкона, Штурм утверждает, что «истину следует черпать не из того, что было создано в эпоху процветания, которая изменчива (*non felicitate temporis alicuius, quae res varia est*), а из света природы и опыта, т.е. того, что вечно» [Sturm, 1698: 27].

Очевидность экспериментов и аподиктического доказательства Штурм рассматривает в качестве того критерия, на котором должна

основываться критика. Без ссылки на такого рода очевидности эклектический способ философствования, по его мнению, ничего не сможет сделать. Согласно Штурму, ни основания, ни методы философствования не в состоянии опровергнуть философемы (*philosophemata*), если очевидность необходимых доказательств или экспериментов затем не заставит нас исправить их [Sturm, 1698: 27]. Основное требование, которое эклектики выдвигают к критике, состоит в том, чтобы она способствовала научному прогрессу.

Апеллируя к очевидности, Штурм тем не менее ограничивает область действия очевидности и число очевидных истин. Он противник того, чтобы все, что нам кажется очевидным, считать также истинным. Штурм называет «неправильным способом философствования» (*parva philosophandi ratio*) такой, «который идеи ума обычно переносит на сами вещи и смешивает с ними» [Sturm, 1698: 488]. В частности, он указывает на то, что «мы постоянно думаем, будто вещам самим по себе присуще то, что является лишь основанием измерения (*metiendi rationem*)» [Sturm, 1698: 488], т.е. *ens rationis* рассматриваем как *ens realis*. Тот факт, что многие истины, которые Декарт якобы получил благодаря естественному свету ума, были уже известны другим до него, Штурм рассматривает как свидетельство коллективного характера познания. Рефлектирующий субъект, по его мнению, не может самостоятельно, т.е. не обращаясь к опыту и знаниям других, вывести все из того, что его разуму кажется очевидным. Декарт, согласно Штурму, фактически использует эклектический метод, и его «секты» поэтому можно также отнести к эклектическим [Sturm, 1679: 33]. Единственный путь отыскать «наиболее истинное» эклектики видят в том, чтобы избавиться от догм какой-либо частной секты и усвоить знание всех значительных интеллектуальных традиций.

Штурм требует начинать исследование с рассмотрения различных взглядов по одному вопросу, а затем проверить их и попытаться согласовать. Подобное согласование, по его мнению, должно осуществляться на основе очевидных истин опыта и несомненных доказательств. Так, Штурм рассматривает взгляды Аристотеля, Демокрита, Забареллы и Декарта на материю, а затем проверяет эти взгляды на соответствие опыту, рассматривая их только как гипотезы. Согласование гипотез с опытом и между собой, безусловно, ведет к построению некоторой системы. Но такого рода система носит гипотетический характер и открыта для коррекции, дополнения и дальнейшей разработки.

Эклектики выступали не против систематизации знания вообще, ибо без этого научный прогресс был бы невозможен, а только против того, чтобы подгонять факты под априори сконструированную систему. Определяющими при выборе оказывались три фактора — опыт, аргументы разума и принятые ранее гипотезы: «То, что приверженец какой-либо секты считал так или иначе наиболее истинным или, по

крайней мере, правдоподобным, или безусловно правильным, эклектики отбирают и проверяют, отбрасывая или отрицая осторожно (*modestè*) остальное. Они добавляют свое постольку, поскольку это допускает опыт, аргумент и гипотеза [Sturm, 1698: 8].

Штурм постоянно подчеркивает значение нравственной чистоты мотивов исследователя и правильности его ценностных установок. Согласно Штурму, эклектик «во всех своих действиях поступает не как-нибудь наобум, а всегда обращается за советом к здравому рассудку, а также свободному и очищенному суждению ума, поскольку им движет не слепая любовь к учителю и его отдельным положениям, которые ничего не содержат. И ненависть к противоположным мнениям... не может сбить его с толку или увести с пути истины» [Sturm, 1698: 8]. Ум эклектика должен быть очищен от аффектов и предрассудков. Он не может руководствоваться ни эмоциями, ни другими соображениями, которые могут препятствовать познанию истины. Чистоту нравственных помыслов Штурм рассматривает как необходимое условие и даже характерную черту эклектического способа философствования. «Только тот способ философствования является наилучшим и в наибольшей мере достоин человека, который, исключая всякие аффекты, будь то любовь или ненависть, жадно не поглощает и упорно не сохраняет все то, что дал учитель, и гневно не выступает против утверждений других, которые противоречат его словам, а, рассудив и взвесив все, выбирает самое лучшее и истинное» [Sturm, 1698: 27].

Прогресс науки должен сопровождаться расширением как ее познавательных возможностей, так и способностей исследователя, а также его духовным ростом. Эклектик должен содействовать тому, чтобы в любой отрасли знания ученый мог внимательнее наблюдать (*diligentius observasse*), правильнее судить (*rectius iudicasse*), выдвигать более правильные предположения (*probabilius supposuisse*), чтобы его рассуждения были более истинными (*verius ratiocinatum esse*), а чувства тоньше (*honestius sensisse*) [Sturm, 1698: 22]. Важнейшим качеством эклектика Штурм считает *modestia*, тогда как сектант — это человек упрямый (*mordicus*). Термин «*modestia*» он использует во всех его значениях (скромность, сдержанность, умеренность, осторожность, благоразумие, самообладание). Скромность эклектика означает отсутствие притязаний на абсолютную истину, а также таких качеств, как честолюбие, амбиции, стремление к славе. Все эти качества способствуют сотрудничеству и предполагают открытость для критики и диалога.

Свои требования к методу, утверждает Штурм, эклектик не выдумывает, а черпает из самой жизни. Эклектицизм гораздо ближе к эмпиризму, чем рационализму. «Подлинный метод научного познания естественных вещей, которым пользуются естествоиспытатели успешнее всего в наше время наибольшего роста научного сообщества

и оснащенности естествознания» более подробно Штурм описывает так: «Прежде всего тщательно исследуют сами феномены или действия природы и отдельные обстоятельства их возникновения с помощью разных полезных и несомненных экспериментов; затем, прилежно сравнив их между собой и обдумав разные способы, какими явление (действие) может возникнуть по той или иной <причине>, он в состоянии показать наконец, что истинной и настоящей причиной считается только та, которая подтверждается всеми экспериментами и феноменами так, что из нее с необходимостью вытекает всякое согласие реальных вещей, и считается, что все вместе они не зависят с такой же очевидностью ни от какой иной вещи» [Sturm, 1686: 537–538]. Чтобы проникнуть в суть вещей, физик должен начинать с чувственных данных, которые «скорее предполагаются истинными, чем безошибочно доказываются». Познание действительных вещей начинается с их сравнения, но не сводится к этому. Штурм убежден, что таким путем нельзя достичь достоверности в познании причин. Ближайшие причины видимых следствий и их способ действия «выводятся из данных (Vorfalligkeiten) и принципов (Grundsätze) с помощью ясно доказывающего метода (Lehr-Art) так, что то, что до этого считалось вероятным... теперь приходит к истине и достоверности в той степени, в какой ее по праву можно требовать в такого рода вещах» [Sturm, 1713: 3–4]. Такой переход от вероятности к достоверности становится возможным «вследствие полного и детального согласования данных с принципами и последних с первыми», которое достигается «durch einen klar erweisenden Zuruckgang (благодаря ясно протекающей редукции)» [Sturm, 1713: 3–4]. Под последней, очевидно, имеется в виду идеализация объектов опыта, без которой, как указывал Лейбниц, невозможно успешное применение математических методов в естествознании.

Хотя Штурм был сторонником широкого применения математических методов в естествознании, он, как и многие физики-электики его времени, не порвал связь с аристотелевской традицией. В своей физике он использует понятия материи и формы, возможного и действительного, конечных причин и т.д. Предметом физики, согласно Штурму, являются начала и причины естественных вещей. Материю и форму он относит к внутренним началам, а действующую и конечную причины — к внешним [Sturm, 1713: 2]. Большинство электиков рассматривают физику как наиболее надежное средство познания Бога. Включение теологии в ее состав — характерная черта эклектической физики. Свою физику Штурм также завершает доказательством существования Бога *more geometrico* и обоснованием его главных свойств. У него Бог является независимым, единым и простейшим существом, охранителем всего сущего, всемогущим, всезнающим, вечным, бестелесным и неизменным чистым актом [Sturm, 1697: 911–935]. Путем включения теологии в физику электики рассчитывали примирить разум и благочестие.

Штурм вошел в современные учебники по истории математики и физики как один из основоположников математического и экспериментального естествознания. Наряду с опытом, который «дан сам по себе», он выделяет опыт, который «тщательно и прилежно организуется с помощью вновь открытых инструментов» [Sturm, 1713: 3]. Он первый в европейских университетах вводит экспериментальные курсы, на которых студентам разрешалось свободно общаться и самостоятельно принимать решение. Выдвижение гипотез он рассматривал как корректный научный метод, а эксперимент — как эффективное средство расширения ряда естественных феноменов. Для объяснения феноменов он требовал непредвзято сравнивать и взвешивать различные гипотезы, принимая во внимание не только мнение современников, но и предшественников.

В физике Штурм был одним из первых и наиболее ярких пропагандистов гипотетико-дедуктивного метода исследования. Метод свободного, независимого от влияния какой-либо школы выбора гипотезы становится центральной идеей его эклектической философии. Штурм требовал принимать во внимание феномены и выбирать такие гипотезы, которые дают наиболее простое, ясное и согласованное объяснение их причин. Такого рода гипотезы, по его мнению, более всего соответствуют истине. Роль опыта при выборе гипотез у него становится определяющей. С его точки зрения, достаточно одного противоречащего гипотезе феномена, чтобы отвергнуть гипотезу. Опровержение гипотез Штурм рассматривал как основной путь, ведущий к прогрессу знания.

Значение эклектической философии Штурма высоко оценила Б. Бауэр, которая считает, что в своей «Philosophia eclectica» Штурм фактически подвел итог смены методической парадигмы от аристотелевской теории науки к фаллибилистской экспериментальной науке, в которой конкурирующие гипотезы проверяются экспериментальным путем [Baueg, 1998: 154]. Эклектицизм был лишь одной из идеологий, которые лежали в основе смены научной парадигмы, но его вклад и, в частности, Штурма в становление новой философии науки был чрезвычайно велик. Штурм одним из первых сделал предметом рефлексии новые методы исследования естествоиспытателей и попытался выразить их в виде некоторой философской идеологии.

Заключение

Эклектицизм Нового времени был прогрессивным философским и методологическим течением. Он во многом способствовал духу критицизма своего времени, хотя и трактовал его по-своему. Если философию рационалистов можно рассматривать как результат рефлекс-

сии философами достижений современной математики, то эклектицизм — это в первую очередь продукт рефлексии достижений естествознания того времени. Широкое распространение эклектической философии среди естествоиспытателей XVII–XVIII вв. объясняется их стремлением к выработке единого мировоззрения в условиях многообразия точек зрения на мир и кризиса традиционных ценностей. Эклектицизм выступает как альтернатива, с одной стороны, мистике, пренебрегающей научными фактами и доводами разума, а с другой — механистической философии с ее материалистическими и атеистическими выводами, подрывающими религиозные и нравственные устои общества. С методологической точки зрения эклектицизм, с одной стороны, выступает как альтернатива априоризму систематической философии и синкретизму, некритически объединяющему в единое целое плохо согласующиеся части, а с другой — как альтернатива скептицизму, который ставил под сомнение возможность познания действительности, и догматизму, который эклектики видели в односторонности точек зрения своих предшественников. Он пытается преодолеть в первую очередь односторонность рационализма и эмпиризма. Требование критического отбор гипотез, который позволил бы как отбросить все, что не выдерживает проверки достоверными принципами опыта и разума, так и сохранить все ценное, что было добыто предшественниками, становится отличительной чертой эклектицизма.

Эклектицизм Нового времени позиционирует себя как принципиально новый способ философствования. Основным его требованием становится свобода философствования, которая означает свободу от предрассудков и, в частности, от авторитетов, а также открытость к диалогу, причем как с современниками, так и с мыслителями прошлого. Он привносит в сознание современников дух не только критицизма, но и историзма, противопоставляя деструктивным спорам схоластиков принципиально новую форму научного диспута, ориентированного на рост знания и творческих способностей исследователя. В этом отрицательном отношении к бесполезным спорам и всякого рода спекуляциям выражался столь характерный для эклектиков и эмпириков дух утилитаризма.

Вклад эклектиков в теорию познания и философию науки без преувеличения можно назвать революционным. Познание у них предстает как коллективный, диалогический и исторически развивающийся процесс. Субъектом познания является уже не рефлектирующий субъект, а научное сообщество (*respublica literaria*) со своим кодексом чести. Нравственные принципы для эклектиков — уже не плод размышлений того или иного философа над проблемами добра и зла, а необходимая предпосылка всякого познания, стремящегося к познанию истины. Познание у них становится важнейшей частью и движущей

щей силой общественного прогресса. Эклектики разрабатывают принципиально новый взгляд на истину.

Аппроксимативная теория истины эклектиков разрабатывалась как альтернатива агностицизму и скептицизму, с одной стороны, и догматическим претензиям отдельных философов и школ на обладание абсолютной истиной — с другой. Познание действительности предстает как процесс постепенного приближения к истине. Истина может быть достоянием только всего человечества, а те истины, которыми обладают отдельные люди или группы людей, принципиально ограничены и преимущественно имеют статус лишь гипотез. Но для эклектиков они тем не менее являются важными ступенями на пути к истине.

Переосмысливают они и традиционный взгляд на систему. Исходным пунктом построения системы для них является не умозрительное представление того или иного философа о цели и принципах познания, а опыт, точнее, коллективный опыт научного сообщества. Для них система — это результат не простого приспособления друг к другу различных взглядов, а критической проверки гипотез, решающую роль в которой играют эксперимент и неоспоримые доводы разума. Выдвижение и экспериментальная проверка гипотез, т.е. гипотетико-дедуктивный метод, становится основным средством познания природы. Если рационализм можно назвать философией математиков, то эклектизм Нового времени смело можно назвать философией естествоиспытателей. Он в наибольшей мере сформулировал мировоззрение естествоиспытателей той эпохи и заложил основы новой научной парадигмы. Одним из первых и, пожалуй, наиболее видным идеологом этого мировоззрения стал Иоганн Христоф Штурм.

References

Albrecht, 1994 — Albrecht M. *Eklektik. Eine Begriffsgeschichte mit Hinweisen auf die Philosophie und Wissenschaftsgeschichte*. Stuttgart-Bad Canstatt, 1994.

Bauer, 1998 — Bauer B. Der Fortschritt in der deutschen Physik. Jakob Friedrich Reimmann, ein Vorläufer der Hypothese von Frances Yates. *Skepsis, Polyhistorie. Jakob Fridrich Reimmann (1668–1743)*, Hrsg. von M. Muslow u. H. Zedelmaier. Tübingen, 1998.

Brucker, 1742 — Brucker J. *Historia critica philosophiae*. T. 2. Lipsiae, 1742.

Brucker, 1743 — Brucker J. *Historia critica philosophiae*. T. 4.1. Lipsiae, 1743.

Dreizel, 1991 — Dreizel H. Zur Entwicklung und Eigenart der „eklektischer Philosophie“. *Zeitschrift für historische Forschung*. Vol. 18, ¹ 23. Berlin, 1991, pp. 281–343.

Gaab, 2004 — Gaab H. *Johann Christoph Sturm (1635–1703)*. Frankfurt am Main: Deutscher, 2004. 351 p.

Hegel, 1971 — Hegel G.W.F. *Werke in zwanzig Bande*. Hrsg. von Eva Moldenhauer und Karl Markus Michel. Bd. 2. Frankfurt am. Main: Suhrkamp, 1971. 593 p.

Hermann, 2003 — Hermann V., Platz K.T. Der Wahrheit auf der Spur: Johann Christoph Sturm (1635–1703). *Mathematiker, Physiker, Astronom*. Buchenbach, 2003. 124 p.

Hoefler, 1742 — Hoefler J.J., Baier J.D. *Conciliatorum et eclecticorum diversam philosophandi rationem [...]*. Altdorfi, 1742. 364 p.

Schmidt-Biggemann, 1983 — Schmidt-Biggemann W. *Topica universalis. Eine Modellgeschichte humanistischer und barocker Wissenschaft*. Hamburg, 1983. 330 p.

Schneider, 1992 — Schneider U.J. Über den philosophischen Eklektizismus. *Nach der Postmoderne*. Hrsg. von A. Steffens. Dusseldorf: Bollmann Verlag, 1992, pp. 201–224.

Schneider, 2002 — Schneider U.J. Leibniz und der Eklektizismus. *Neuzeitliches Denken. Festschrift für Hans Poser zum 65. Geburtstag*. Hrsg. von G. Abel, H.J. Engfer, Ch. Hubig. Berlin & New York, 2002, pp. 233–250.

Schneiders, 1985 — Schneiders W. Vernünftiger Zweifel und wahre Eklektik. Zur Entstehung des modernen Kritikbegriffes. *Studia Leibnitiana*, ¹ 17/2. Wiesbaden, 1985, pp. 143–161.

Sturm, 1679 — Sturm J.Ch. *De philosophia Sectaria et Electiva Dissertatio Academica*. Altdorfi, 1679. 370 p.

Sturm, 1686 — Sturm J.Ch. *Philosophia eclectica, h.e. Exercitationes Academicæ*. Altdorfi, 1686. 472 p.

Sturm, 1697 — Sturm J.Ch. *Physica electiva sive Hypothesica*. T. 1. Norimbergae, 1697. 273 p.

Sturm, 1698 — Sturm J.Ch. *Philosophia eclectica, h.e. Exercitationes Academicæ*. T. 1. Francofurti & Lipsiae, 1698. 483 p.